Рубрика: ОНТОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЯ

ОДАРЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. В. Нечаев

В статье рассматривается специфика научного философского познания, определяются его сущностные черты и его применимость к исследованию проблем одаренности. Утверждается необходимость философского познания одаренности. Определяется структура главных направлений философского исследования, формулируются основные аспекты философского понимания природы одаренности.

Ключевые слова: одаренность, деятельность, социальное, философское познание, человек как целое, развитие.

DOI:10.47929/2305-7327_2020.02_6-13

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07489.

В образовательном пространстве нашего социума в последнее время появляются первые признаки обращения к философии как инструменту познания. Это чрезвычайно обнадеживает, поскольку, по моему глубочайшему убеждению, и педагогические, и дидактические, и психологические исследования, имеющие место сегодня в образовательном процессе, в конечном счете базируются на философских принципах и философских основаниях. Конечно, образование представляет собой самую широкую сферу для практического применения, для использования философии в познавательной деятельности: это относится и к коммуникативным аспектам образовательного процесса, и к лингвистическим, и к субъект-объектным, и к мыслительным, и собственно познавательным и т. д. В итоге очередь дошла даже до такой специфической темы, как одаренность.

О текущем состоянии познания одаренности

Познавательная ситуация сложилась настолько тупиковая и парадоксальная, что психологи сами вынуждены обращаться к философии. Появились первые работы по философии ода-

Об авторе:

*Нечаев
Алексей Владимирович*

*д-р филос. наук, доцент,
главный научный сотрудник
Института изучения
общественных явлений.*

*Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.
E-mail: avnechayev@ya.ru*

*ББК 87.22
УДК 165*

ренности [Богоявленская, 2019; Ивлева, 2009], но это еще не собственно философские работы, это работы психологов. И, поскольку и предмет исследования и методы принципиально не совпадают, психологи обращаются только к аналогам, внешним историческим аспектам, когда пытаются найти синонимы одаренности или сходную проблематику в истории философии. Понятно, что философия пока выступает здесь атрибутом, но не инструментом познания. Достоинство этих работ в том, что они ставят проблему в пространстве философского поля, пытаются сделать обзор истории философии, связанный с проблематикой одаренности, применяют философскую терминологию и философские парадигмы к исследованиям одаренности, выходят за пределы психолого-педагогического дискурса. Однако, чтобы говорить о философских основаниях решения проблемы одаренности, нужно понять, где место этого явления в социальной структуре, и как может философия подходить к изучению этого явления, в какой своей части.

В истории философии можно найти много разных цитат о гениальности, о талантах или об одаренности. Но если люди используют то или иное слово, это не значит, что они изучают данную проблему. Если кто-то поминает имя черта, это не значит, что он проводит inferнальные исследования. Появление тех или иных слов, связанных с парадигмой одаренности, вовсе не говорит о познавательном процессе в этой области.

Мне кажется, этому, может быть, и печальному факту, что не исследовалась данная проблематика, есть простое объяснение. Этого общественного явления как такового не существовало. Существовали особые индивиды, гении в прямом смысле этого греческого слова, одержимые люди, с совершенно особым способом деятельности. Но эти люди существовали как абсолютное исключение, практически как сакральное, они были ничем не объяснимы в повседневной реальности. Вот, например, величайший из политиков античности, Цезарь. Но как он становится величайшим, божественным? Не потому, что его убивают, – мало ли кто кого убивал, мало ли правителей погибало. Но он – единственный, божественный. Потому что он действовал вообще неправильно, не так – как принято, не так – как обычно, не так – как полагалось и, следовательно, ожидалось другими. Конечно, он гений! И сколько было таких цезарей? Почему и киликийские пираты не поверили Цезарю. Они посмеялись над ним, за что и поплатились. Но кто же мог подумать, кто мог поверить в тот бред, который нес этот пленник, хотя он-то говорил правду.

Философия не могла раньше заниматься одаренностью, потому что это не было общественным явлением, одаренность была абсолютным исключением, потому что это был странный индивид – избранник потусторонних сил, охваченный непонятным безумием. Да, это в любом случае социальное явление, но в реальности рабовладельческого или феодального строя не было никаких условий для общественного процесса возникновения одаренности. Эзоп или Архимед – были абсолютным исключением. Диоген, который в бочке, – он один на всех, поэтому он и запал всем в душу. Мы знаем Пифагора или Сократа, но это – сумасшедшие существа. Сократ же совершенный идиот – жену не слу-

шается, семью не содержит, на рынок ходит поговорить. Пожалуй, что те, кто голосовали против его смерти, были просто гуманисты.

Что значит философское изучение

С одной стороны, это то же самое, что и в любой другой науке: предмет, системность, методы. С другой стороны, у философского познания есть своя совершенно особая специфика.

Во-первых, предметом философского познания является общее. Общее – не в формах, не в свойствах, не во взаимодействиях. Общее в природе данного явления, в его сущности, наиболее существенные его элементы в их взаимосвязи, его определяющие процессы. Например, социальные явления существуют на разных уровнях и познаются на разных уровнях, и единственно, где мы можем двигаться от познания сущности первого порядка к познанию сущности второго порядка и далее – это философия.

Во-вторых, философски – означает исследовать явление всесторонне, не ограничиваясь каким-либо специфическим процессом или взаимодействием. Предельно общее существует, конечно, в каждом предмете и явлении как в каждой капле океана, но выявить мы это можем, только имея представление или хотя бы первичные знания о данном объекте как целом. То есть, эмпирически или узко функционально наблюдая какие-либо конкретные процессы, мы можем выделить общее в этих конкретных процессах, но выделить общее в самом объекте мы не можем, мы ничего об этом не знаем. Для этого нам надо познавать объект особым образом – как целое, а не в какой-либо его части.

Условно говоря, в обыденности нам достаточно, что нам заплатили за работу, и мы знаем, что вот эта работа стоит вот таких денег. Если завтра нам дадут меньше, мы будем возмущаться, потому что мы затратили такое же количество труда. Но поскольку такое происходит, то надо разбираться, почему произошло так, почему денег стало меньше. И тогда мы начинаем исследовать экономические процессы, и экономическую сущность денег. Оказывается, есть рынок, спрос, предложение и так далее. Но чтобы понять, как существуют деньги, как происходит трансформация труда в стоимость, для этого нужна философия, для этого нужно понять природу стоимости, природу присвоения, природу социального и т. д. И это чисто философская работа. Для этого недостаточно ни обыденного опыта, ни опыта конкретных наук.

Третий аспект философского познания. Мы познаем не просто природу явления всесторонне и многоуровнево. Мы познаем объекты еще и в развитии.

Науки традиционно делятся на дескриптивные и нормативные. Нормативные устанавливают норму: как должно быть. Действие равно противодействию, ускорение, сила тяжести, сила трения. Дескриптивные описывают. Есть такие бактерии, есть другие бактерии, есть вирусы, есть другие организмы, одноклеточные, многоклеточные. И нет ни одной науки о развитии своего предмета. А поскольку нет наук о развитии, то практически никакая наука – дескриптивная или нормативная – не может объяснить сам предмет и возникновение своего

предмета исследования. Они все вынуждены принимать это как аксиоматику, а исследовать только функциональность: «Вот это нам дано по условиям задачи». Если для естественных наук это, худо-бедно, применимо, то для социальных наук это вообще неприемлемо, это перечеркивает смысл науки, потому что социальные науки описывают социальные процессы, а социальные процессы являются порождающими, производственными процессами, а если мы описываем социальные процессы как непорождающие, значит, мы ничего не знаем об их природе вообще. Поэтому у них одна аксиоматика: «Дано». И все! Но если вы не знаете, что вам дано, откуда оно взялось, то в социальной науке это значит, что науки нет. Как же вы будете целенаправленно производить то, чего не знаете. Тогда и говорите – мы полагаемся на практику. Но наука — это не практика, это в первую очередь теория. А почему они не знают своего предмета? Потому что ни одна наука не является наукой о развитии.

Познание общего как сущности предельного порядка, человек как целое и соотношение с ним другого целого в единой картине мира, возникновение и развитие как важнейший аспект бытия – вот триединая специфика и недоступный для других наук уровень философского познания.

Что конкретно означает философское изучение применительно к одаренности

Для того чтобы философски изучать одаренность, нужно правильно поставить проблему. Если философия – это наука об общем, то надо понять, какой в данном случае общий процесс включает в себя явление одаренности, а после этого можно перейти к пониманию того, что же общее включает в себя сама одаренность. Какие общие элементы, процессы, связи конструируют собственно социальное явление одаренности. Такова должна быть философская методология конструирования модели одаренности, в соответствии с предметом философии, с ее подходами и способами познания.

На сегодня одаренность определяют как «системное, развивающееся в течение жизни качество психики» [Рабочая концепция одаренности, 2003]. Нет ничего более далекого от истины. Одаренность надо рассматривать как особую социальную деятельность человека. Ее можно рассматривать со стороны актора, со стороны субъекта, и тогда в этой деятельности надо выделять аспект присвоения деятельности, присвоения ее результатов, правильности осуществления деятельности, актуальности и содержательности, формирования особых способов осуществления данной социальной деятельности. С точки зрения социума можно рассматривать ее границы, ее динамику взаимодействия социального и асоциального, общественного и необщественного. Надо рассматривать проблемы развития одаренности. Каждая одаренная деятельность, как и любое социальное явление, имеет потенциал своего развития. Что происходит с одаренной деятельностью в ее развитии? Как взаимоотносятся состояние одаренности индивида и его одаренная деятельность? Взаимные переходы индивидного состояния и общественного состояния, индивидной деятельности и общественной деятельности. Вот эти взаимные пере-

ходы. Переходы в функционал, возврат к целому. Переход от одного целого к другому целому. Как одаренность формируется и как она развивается. Все это возможно изучать только философски.

Почему одаренность – это философская проблема?

Потому что это качество не физиологии, не генетики, не природы, не Бога, а человека как целого, каким бы мы его ни понимали: как биосоциальное существо, как психический механизм, как мыслящее существо, – неважно. Множественность понимания человека как раз только и даст множественность взглядов, трактовок, множественность возможностей в понимании человека.

Причем одаренность действительно нужно понимать именно как качество, которое по-разному проявляется в разных сторонах жизни человека, оно может проявляться и в его психике, в его поведении, в коммуникации, в профессиональной деятельности, в потреблении. Это качество может даже проявляться, в конце концов, в биологии человека и в его генетике, в физиологии. Недаром люди будущего представляются нам как головастики с атрофированными телами, а вместо тел у них экзоскелеты.

Конечно, любое качество проявляется через свойства. Но качество человека, по-разному проявляясь в его функциях, не тождественно ни одной из сторон жизни человека, ни одному из его свойств. Одаренность не может быть тождественна ни творчеству, ни мышлению, ни работоспособности, ни упорству, ни везучести, ни психической устойчивости или гибкости, ни набору генов – ничему из этого одаренность не может быть равна.

И поскольку одаренность – это качество человека, то есть общее, проявляющееся в единичном, то оно, безусловно, является предметом философского изучения. Именно философия изучает общее и его проявление в единичном.

В государственных концепциях одаренности теряется главное: что «одаренность» – это, по сути, прилагательное, а не существительное, как по форме. Существенное, существительное в данном случае – это понятие «человек», и решение проблемы одаренности предполагает понимание личности природы человека.

Самым существенным в существовании человека, самым необходимым в его онтологии, его сущностным содержанием является социальное. Для психологии (и в этом побочный негативный эффект психологии как доминирующей науки о человеке на сегодня) социальное является лишь внешним для некоего мифического автономного индивида. В этом случае разрываются человек и его сущность. Так же, как загадочной и непонятной становится сущность человека, ее происхождение, точно так же мифическим и непонятым становится и появление этой внешней среды, которая создается или инопланетянами, или злодеями, или заговорщиками. Возникает гигантский разрыв между сущностью и существованием человека, который не в силах был преодолеть даже Кант, создавая учение о вещи в себе и вещи для нас.

Сущность человека в современных социальных и гуманитарных науках фактически выносится в сферу непознанного. Соответственно, одаренность также оказывается в этом же поле потустороннего равно на том же уровне познания как несколько тысяч лет назад, когда одаренные люди представлялись (полу)богами и одержимыми.

О природе одаренности

Как мы знаем, благодаря принятой в 1998 году Рабочей концепции одаренности и последовавшей за этим дискуссии ее дюжины маститых авторов существуют разные концепции и подходы к определению и пониманию одаренности. Например, по результатам деятельности, когда одаренность, согласно классическому определению Б. М. Теплова, это «качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности» [Теплов, 1982]. Или по характеру деятельности, когда высокоинтеллектуальная или творческая деятельность объявляется одаренной, а остальные виды деятельности, соответственно, – нет. Или по внутреннему целеполаганию деятельности, когда, по словам Богоявленской, происходит «сдвиг мотива познания на цель» [Богоявленская, 2019, с. 18] и человек приобретает «способность к развитию деятельности по собственной инициативе» [Там же, с. 20]. Зададимся собственно философским вопросом: что здесь общего в этих подходах? Итак, одаренность – это особая деятельность, с особым результатом, характером. Вот в этом могли бы совпасть все авторы. Это что-то особое в деятельности индивида. А вот что это – тут начинаются различия и поиски.

Кто у нас отвечает на все вопросы, кто нам всегда помогает в трудной ситуации? Пушкин. Он образно отвечает на вопрос про второй признак одаренности. Да, я имею в виду Моцарта и Сальери. Что, Сальери убивает всех направо и налево? Это гангстер или папа римский, у которого всегда с собой перстень с ядом? Нет, этот яд – дорогой для него подарок, и он его бережет как зеницу ока. Он его не использует в случаях личной мести, обиды, как будто Бог говорит ему: есть кое-что поважнее. И вот Моцарт. Божественная музыка. «Ты с этим шел ко мне и остановился у трактира, чтобы послушать старика слепого?» Разве Сальери ненавидит эту музыку? Он хочет убить эту музыку? Нет! Он восхищается этой музыкой. Что же ему не нравится? Он сидит за обедом с Моцартом! Разве Моцарт его обижает? Напротив, он говорит ему комплименты: «Он же гений, как ты да я» или «Там есть один мотив... Я все твержу его, когда я счастлив...» Где здесь личная обида? Что не так? Чем оскорблен до глубины души Сальери? Музыкой не оскорблен, дружбой не оскорблен, обедом не оскорблен. Столько десятилетий он берег этот яд, и вот теперь случилось что-то страшное! Что-то страшное, и при этом, как любят говорить американцы, ничего личного. Но разве Моцарт угрожал статусу или положению Сальери? Разве Моцарт был ему противником, каким-то условным врагом? Нет. Что не так? Ничего личного, только общественное. Вот второй признак одаренности. Моцарт социализируется совершенно другим способом, неведомым, необъяснимым для Сальери. Если бы Моцарт два месяца сидел, не разгибаясь, над столом, исписал бы, порвал пятьсот листов бумаги и, блед-

ный, дрожащий, пришел бы в результате этого своего фантастического труда, тогда – да, Сальери бы оценил: количество труда перерастает в качество. Но когда фигляр презренный просто идет по улице и насвистывает... Как это возможно?! Это несправедливо! Весь мир рушится. Это не личное оскорбление, это божественное оскорбление, это вызов всему мироустройству. Вот где второй признак. Можно его долго объяснять, но его достаточно увидеть, Пушкин все показал. Это особый способ социализации, когда те же результаты социально значимой деятельности достигаются совершенно по-другому, словно бы прыжком во времени, словно не существует социального пространства, словно не существует труда и всех законов, положенных для каждого. А вот для этого человека они не положены. Вот что оскорбляет Сальери. Социализация другая. Одаренность – это особый вид деятельности в процессе социализации. Это особая социализация индивида, не та, которая осуществляется по правилам. А в обществе все надо делать правильно, надо пройти все ступеньки, надо отринуть суетное, стать узким специалистом, потратить огромное количество труда, разъять музыку на части, проверить всю эту гармонию алгеброй, а потом пытаться вдохнуть жизнь в эти конструкции.

Таким образом, мы приходим к постановке чисто философской проблемы: каким образом возможно отклонение индивидов от предопределенного способа социализации в конкретном обществе и социализация особым, единичным образом?

Само утверждение, что возможны отклонения от прямолинейного и однонаправленного единообразного движения индивидов в процессе социализации – это уже серьезное философское утверждение. Оно примерно тождественно по значению мысли Эпикура о том, что атомы отклоняются случайно в своем прямолинейном движении, чему посвящена докторская диссертация Маркса. Но в познании следует двигаться дальше: что является основанием для подобного отклонения, и как возможно подобное отклонение, и, например, как возможно этим отклонением управлять, – это гораздо более серьезные вопросы, которые присущи философии сегодняшнего дня.

Следовательно, чтобы решить вопрос о природе одаренности или о философских основаниях социального явления одаренности (что одно и то же), необходимо описать процесс социализации индивида. Увидеть механизмы и силы, его обеспечивающие, увидеть необходимости этого процесса и тем самым определить возможности существования одаренности. То есть одаренность как социальное явление вообще в принципе появляется только тогда, когда появляется достаточно массовая возможность, уже не единичная, не эксклюзивная, осуществления иной социализации. Не выпадения из социализации, не утраты для социума, а именно социализации иным способом и, как следствие, с иным результатом.

Осмысление темы одаренности выводит нас на крайне интересную проблему разрыва, обособления, на кантовскую проблематику сущности и существования человека, пусть и в другой терминологии, потому что Кант говорит о разрыве между явлением и сущностью. И деятельность здесь оказывается волшебной палочкой, волшебным инструментом, ко-

торый преодолевает это самоотчуждение человека, и одаренность как особая деятельность показывает другие горизонты, другие возможности и другую реальность человеческого нахождения в мире. При этом становится очевидно, что одаренность не может рассматриваться как какое-либо свойство, проявляющееся во взаимодействии, как какая-либо количественная характеристика человека или его деятельности. Одаренность выступает как характеристика особого качества социального индивида и особым способом его существования.

Список литературы

- 1 Богоявленская Д.Б. Философские основы теории одаренности // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2, С. 14-21.
- 2 Ивлева М.Л. Философские основания психологической концепции одаренности: Автореферат дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08. – М.: МГТУ «МАМИ», 2009.
- 3 Рабочая концепция одаренности / под ред. В.Д. Шадрикова. – М.: Молодая гвардия, 2003.
- 4 Теплов Б. М. Способности и одаренность // Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: изд-во Моск. Ун-та, 1982, 136 с.